

Корсаков Константин Викторович
Korsakov Konstantin Viktorovich

старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения
Российской академии наук кандидат юридических наук, доцент.

Senior researcher of the Law Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, PhD in Law, Associate Professor.

**УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ
В КАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ***
Criminal punishment in the Kantian philosophical tradition

Статья посвящена рассмотрению пенологических аспектов философии И. Канта, затрагивающих принципы, цели, содержание и сущность уголовного наказания, его идеологические основы и ориентиры, пределы и границы его вмешательства в сферу естественных прав человека, а также институты смертной казни, амнистии и помилования, сделки с правосудием. В ней отмечается, что в пенологической концепции И. Канта уголовное наказание представляет собой справедливое возмездие за совершенное преступное деяние, которое облачается в форму строго фиксированной и соразмерной проступку кары, исходящей от государства. Автор статьи делает вывод о том, что кантовская философская традиция оказала большое влияние на философию и теорию права, уголовное право и пенологическую науку, а также на правовую доктрину, отразившись в законодательстве многих европейских государств, и до сих пор не утратила своей актуальности в решении сложных правовых и этических проблем.

Ключевые слова: философия права, уголовное наказание, философия И. Канта, пенология, концепция возмездия.

The paper deals with the penological aspects of I. Kant's philosophy that affect the principles, goals, content and essence of criminal punishment, its ideological foundations and guidelines, the limits and boundaries of its interference in the sphere of natural human rights, as well as the institutions of the death penalty, Amnesty and pardon, and deals with justice. It is noted that in the penological concept of I. Kant, criminal punishment is just a retribution for the committed criminal act, which is clothed in the form of a strictly fixed and proportionate punishment for the offense coming from the state. The author of the article concludes that the Kantian philosophical tradition had a great influence on the philosophy and theory of law, criminal law and penological science, as well as on legal doctrine, reflected in the legislation of many European States, and still has not lost its relevance in solving complex legal and ethical problems.

Keywords: philosophy of law, criminal punishment, philosophy of I. Kant, penology, concept of retribution.

Естественно-правовое учение с момента своего формирования искало опору и основания в метафизике, что не было присуще противостоящему ему легизму (юридическому позитивизму), довольно редко обращавшемуся к абстрактным философским идеям и концептам для обоснования своих базовых эпистем и конструктов. В большей степени, нежели последний, естественно-правовое учение было связано и с различного рода прогрессивными об-

щественно-политическими теориями. Примером тому могут служить трактаты философа и видного представителя естественно-правовой мысли Ж.-Ж. Руссо, который одним из первых придал естественно-правовому течению в философии права характер стройного, системного и упорядоченного учения, сыгравшего существенную роль в социально-политической жизни в эпоху Просвещения и революционных событий во Франции XVIII столетия.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель: академик РАН В.Н. Руденко).

Как известно, на хоругви революционной борьбы за народное счастье французскими революционерами были подняты сформулированные и развитые именно им идеи неотчуждаемого народного суверенитета, участия всех граждан государства в решении важных политических вопросов и постоянного народного контроля за публичной властью. Данные практически ориентированные сентенции сыграли большую роль в развитии философии естественного права и впоследствии оказали заметное влияние на И. Канта. Философ, восприняв их с живым интересом и энтузиазмом, придал им новый импульс развития, а равно более заверченный характер в сочетании с ключевыми идеями его собственной философской системы, заложившей начала диалектическим методам в гносеологии.

И. Кантом был осуществлен заметный научный прорыв в области поиска демаркационных границ и лимитов той индивидуальной свободы, которая объявлялась Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и другими философами – представителями естественно-правовой мысли основополагающим критерием естественных прав человека и главной целью политического союза. Этот эвристический вклад И. Канта был крайне важен для философии естественного права, получившей за счет него столь необходимое ей тогда объективное содержание до той поры кажущейся многим правоведам слишком умозрительной, метафизичной и отвлеченной.

И. Кант связал ключевые естественно-правовые идеи неотчуждаемого народного суверенитета и прирожденной свободы с требованиями разума, в законах которого философ выделил объективные основания для системы естественного права. Центральную для всей естественно-правовой теории категорию всеобщей народной воли И. Кант свел к априорной всеобщей воле как отвлеченному представлению разума, что предопределило переход от субъективного направления в естественном праве к новому, объективному направлению. Известные кантианские законы разума стали теми объективными основаниями и фундаментом, которые были особенно нужны естественному праву; можно считать, что именно они положили начало рационалистической традиции в философии естественного права.

Концептуальные основы и идеалы естественно-правового направления в философии права очень отчетливо прослеживаются в рационалистических представлениях И. Канта об уголовном наказании, в его оригинальной психологической теории, базисом которой выступает хорошо известная историкам и философам права концепция возмездия (воздаяния, кары) – доктрина, которую сам И. Кант назвал в своих трудах «единственно разумной и возможной» [1, с. 308], а правовед Б.Н. Чичерин именовал «единственной, опирающейся на глубочайшие основы человеческого разума и человеческой совести» [2, с. 105]. Заметим, что Б.Н. Чичерин, которого В.С. Соловьев считал «неизменным защитником права как абсолютного, себе довлеющего начала, самым многостороннее образованным и систематическим умом среди русских ученых» [3, с. 4], являлся наиболее ярким представителем кантианской традиции в отечественной философии права.

Нравственно-правовая идея возмездия, известная юриспруденции еще со времен античности, была связана с представлениями людей той эпохи о справедливости, которые имели глубокие мифологические корни. Как верно заметил Е.Н. Трубецкой, справедливость, согласно воззрениям древних греков, – это «не только правовой и моральный, но и физический закон; перед ней трепещут все подземные силы; ей повинуются даже солнце и звезды на небе» [4, с. 41]. Античное понимание единства справедливости и земного закона выражено в мифологической поэме Гесиода «Теогония»: Дике (Справедливость) и Эвномия (Благозаконие) представлены в этом произведении как две родные сестры, которые появились на свет от союза Зевса с богиней правосудия Фемидой и подарили людям обычаи и законы.

Концепция воздаяния, нашедшая свое отражение в древнем законе талиона («око за око, зуб за зуб»), покоилась не только на мифологических и религиозных идеях античности, но и на идеях арифметических. В частности, Аристотель, определявший в «Никомаховой этике» справедливость как «воздаяние равным за равное», как «равное отношение», в его «Метафизике» упоминал о том, что греки-пифагорейцы, определяя вещи (что есть время, момент, справедливость, мнение, закон, беззаконие, распределение) соотносили их с числами.

Учение пифагорейцев распространилось далеко за пределы Древней Греции и уже в V веке до н.э. преобладало на всем юге Древнего Рима, повлияв на римское право: например, изначальным названием древнеримских Законов XII таблиц было «Трижды по четыре таблицы» («Ter tabulae quaternae»), а цифра четыре в пифагорейских школах, сводивших различные моменты действительности к определенным цифрам, олицетворяла именно справедливость. Древнее правило талиона, имевшее большую значимость для пифагорейского учения благодаря его арифметическому основанию и использовавшийся как иллюстрация того, что «справедливость – это равносильно равному числу», соответствовало принципу возмездия в философии права, который уравнивал преступный вред и меру наказания.

Принцип возмездия развивался не только греками-пифагорейцами и их последователями, он был присущ древнегреческому праву в целом, причем как обычному праву (темис), так и позитивному (в законах Драконта (621 г. до н.э.), критских законах эпохи легендарного Миноса содержится правило талиона). Центральными категориями древнегреческого права являются справедливость (Дике), довлеющая не только над человеком и мирозданием, но и над всеми олимпийскими богами, и неотделимое от нее возмездие, воплощением которого была богиня Немезида, олицетворявшая идеи неизбежности и неотвратимости уголовного наказания (Немезида, атрибутами которой были колесница, меч и уравнивающие нанесенный преступлением ущерб и объем неминуемой кары, весы – символ соразмерности наказания и преступления, в отличие от греческой богини правосудия Фемиды, изображалась без повязки на глазах, чем подчеркивались идея ее всеведения и желания лицеизреть торжество карающей справедливости) [5, с. 156].

В пенологической концепции И. Канта уголовное наказание предстает перед нами как ретроспективная кара, как справедливое возмездие за совершенное преступление, которое выражается в форме причиняемых от имени государства и строго фиксированных страданий преступника за им содеянное. И. Кант писал об уголовном наказании, что оно – «суть категорический императив (безусловное повеление) практического разума, суть возмездие, которое является единственной априорной

идеей, что составляет фундамент уголовного права» [1, с. 127]. Используя идею формального равенства и хорошо известное «золотое правило» нравственности в решении вопроса о мере уголовного наказания, И. Кант настаивал не на симметричном (буквальном, тождественном) воздаянии по типу ветхозаветного закона талиона («око за око, зуб за зуб»), а на пропорциональности (адекватности, соответствии) уголовного наказания содеянному преступником.

Этот кантианский подход к уголовному наказанию отчетливо прослеживается в работах многих его последователей и апологетов, например, у философа-кантианца К. Цехарие, писавшего, что «так как преступление – это вторжение в область свободы другого лица, которая охраняется законом, то преступник должен быть стеснен в своей свободе в той же самой мере, в которой он нарушил чужую свободу» [6, с. 59], в трудах Г. Кельзена, который также был приверженцем кантианской философии, и научном наследии А.А. Пионтковского.

Уголовное наказание в кантианской философской традиции лишено утилитарных и прагматических элементов: виновный в нарушении закона подвергается наказанию вне зависимости от возможности извлечения из назначенного ему уголовного наказания какой-либо сиюминутной или перспективной практической пользы, выгоды (экономической, общественной, политической и пр.). Признавая за смертной казнью право на ограниченное существование, И. Кант был против ее широкого использования. Философ был сторонником активного применения уголовного наказания в виде лишения свободы, поэтому многие правоведы-кантианцы (И. Баховен, А. Гейер и др.), исходя из воззрений на преступное деяние как покушение на индивидуальную свободу другого человека, видели главную суть уголовного наказания именно в лишении преступника свободы, срок которого должен быть четко соразмерен и строго соответствовать масштабам интервенции правонарушителя в сферу естественной свободы индивида.

Кантианство, требующее равенства уголовного наказания преступному деянию по силе интервенции в область свободы правонарушителя и отражения в содержании используемого вида уголовной репрессии характера

преступного деяния, было положительно воспринято представителями «классической школы» уголовного права, оно оказало большое влияние на юридическую доктрину и уголовное законодательство многих западноевропейских стран, отразившись в его преамбулах и основных текстах, на что не раз обращали внимание многие отечественные исследователи (С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц [7; 8; 9]). В области публичного права оно стало своего рода связующим звеном между материальным, позитивным правом – законами государства – и правом естественным, субъективным, приводя к общему знаменателю формальную, строгую «букву закона» и природное, человеческое «чувство права». «Вечное, неистребимое убеждение в том, что преступнику обязательно должно воздать и что справедливо только возмездное наказание, имеет свое глубочайшее основание в самой природе индивида» – заключал правовед-кантианец К. Биркмайер [10, с. 73], а уже упоминавшийся выше Б.Н. Чичерин писал: «развитая Иммануилом Кантом теория возмездия – это единственное верное основание правосудия как человеческого, так и божественного. Посредством ее восстанавливается владычество нарушенного закона, а с тем вместе оказывается уважение к индивиду: к нему прилагается та мерка, которую он сам прилагает к другим людям» [2, с. 109].

Нельзя не заметить, что к кантианской философской традиции нередко обращаются многие современные криминологи и ученые-пенитенциологи, в частности, при изучении дискуссионного вопроса о допустимости в юридической практике высшей меры уголовного наказания – смертной казни. Обоснованная И. Кантом идея эквивалентного равенства между преступным деянием как нарушением чужого субъективного права и уголовным наказанием как восстановлением нарушенного чужого субъективного права оправдывает использование политической властью этой крайней меры за криминальные посягательства, связанные с гибелью людей (убийство, террористический акт и пр.). Важным при решении данного вопроса является то обстоятельство, что человеческая жизнь, имеющая наивысшую ценность, не имеет другого равноценного эквивалента, нежели другая жизнь, а потому применение смертной казни за преступные деяния,

последствием которых стала смерть других людей, с точки зрения кантианской доктрины вполне оправданно. Как писал о проблеме смертной казни американский представитель неокантианской традиции в философии права Ф. Кэррингтон: «Применение смертной казни в отношении лиц, совершивших злостные убийства, конечно, не воскресит погибших, однако продемонстрирует, что общество с уважением относится к жизни потерпевших» [11, с. 98]; «чем выше в обществе ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть уголовное наказание за ее отнятие» – подчеркивал Б.Н. Чичерин [2, с. 46]. В то же время в кантианской традиции использование чрезвычайного уголовно-правового ресурса, к которому относятся смертная казнь и пожизненное лишение свободы, в отношении тех преступных посягательств, которые не повлекли за собой человеческую смерть, считается несправедливым и морально неоправданным.

Примечательно, что одним из объектов философской критики И. Канта выступило творческое наследие итальянского просветителя и правоведа Ч. Беккариа, который был последовательным противником смертной казни и выступал за ее отмену. Так, например, в отношении известного аргумента Ч. Беккариа о том, что уголовное наказание в виде смертной казни не могло содержаться в первом общественном договоре в силу того, что тогда каждый гражданин должен был бы согласиться на лишение собственной жизни в случае, если он лишит жизни другого гражданина, что невозможно, так как никто не может подобным образом распоряжаться своей собственной жизнью, И. Кант высказался, что все это грубая софистика и пустословие, которые идут вразрез естественно-правовым идеалам и историческому развитию права [6, с. 119].

Нередко аболиционисты и ярые противники смертной казни апеллируют к канонам естественного права и настаивают на естественном праве каждого, включая убийц, на жизнь, которого никто не вправе лишить ни при каких обстоятельствах, однако такие рассуждения, по мнению неокантианцев, сразу же обнаруживают в себе неустранимое противоречие, связанное с тем, что любой человек, включая и убийц, и потерпевших, обладает, согласно идеям естественного права, неотъемлемым правом на собственную жизнь, но не на чужую,

и сознательно лишая другого последней, он тем самым нарушает все то же естественное право на жизнь и, согласно И. Канту, он автоматически утрачивает в силу этого свое личное право на защиту естественным правом собственной жизни – жизни убийцы: его умерщвление от имени государства и в интересах общества не является нарушением естественного права на жизнь, так как он сам своим поступком от него отказался и сделал свое право ничтожным.

Современные правоведы-неокантианцы полагают, что идеалам и базовым принципам естественного права не противоречит закрепление в уголовном законодательстве смертной казни как соразмерной и справедливой реакции общества и государства на преступления против жизни, так как высшая мера уголовной репрессии призвана не забирать жизни, а наоборот, защищать естественное и неотъемлемое право каждого человека на жизнь. Не случайно многие современные государства полностью и окончательно не отказываются от института смертной казни, а часто ограничиваются установлением моратория на его применение, помещая этот крайний и экстраординарный уголовно-правовой ресурс в разряд «резервных», «запасных», чтобы «расконсервировать» его в случае острой необходимости.

Помимо сложной этико-юридической проблемы смертной казни обращение к кантианской философской традиции нередко происходит при анализе и осмыслении таких основных уголовно-правовых институтов, как амнистия и помилование. И. Кант и его сторонники, допуская их использование и признавая гуманистический потенциал последних, призывали к строгой экономии этих уголовно-пра-

вовых средств, чтобы не превратить названные институты уголовного права в ничем не оправданные индульгенции, грубо попирающие требования неотвратимости и соразмерности уголовного наказания, а также принцип социальной справедливости. «В отношении преступных деяний, совершаемых подданными друг против друга, суверену не следует использовать право помилования, потому как в данном случае безнаказанность – величайшая несправедливость по отношению к подданным» – писал И. Кант [1, с. 122–123]. Помилование, по мнению философа, уместно в случаях совершения преступлений в отношении самого суверена, являя при этом акт его доброй воли и христианской милости. На своеобразии кантианского подхода в неоднозначных юридических вопросах о компромиссах и различных сделках с правосудием обращал внимание еще российский цивилист Г.Ф. Шершеневич, указывая, что И. Кант не допускал никакого торга с системой правосудия (снисхождения либо уменьшения наказания в обмен на полезные сведения или действия (например, на участие подсудимого в опасных медицинских экспериментах и опытах во имя прогресса естествознания)) по причине того, что «справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-либо цену» [12, с. 154].

В настоящее время в юридической доктрине кантианская философская традиция, оказавшая большое влияние как на философию права, так и уголовное право, криминологию и пенологическую науку, является по-прежнему широко используемой и востребованной в разрешении философско-правовых проблем и сложных этико-юридических вопросов.

Литература

1. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 2002.
2. Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб., 1997.
3. Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, М., 2001.
4. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
5. Корсаков К.В. Криминологическое моделирование и язык криминологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5.

Bibliography

1. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 2002.
2. Chicherin B.N. Selected works. Saint Petersburg, 1997.
3. Solovyov V.S. Law and morality. Minsk, Moscow, 2001.
4. Trubetskoy E.N. Works on the philosophy of law. Saint Petersburg, 2001.
5. Korsakov KV. Criminological modeling and the language of criminological science. Bulletin of the South Ural state University. Series: Law. 2006. № 5.

-
-
6. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940.
 7. Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Советское государство и право. 1971. № 3.
 8. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
 9. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. М, 2020.
 10. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
 11. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран: «классическая школа» и антрополого-социологическое направление. М., 1965.
 12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. М., 1910.
 6. Piontkovsky A.A. Criminal-legal views of Kant, A. Feuerbach and Fichte. Moscow, 1940.
 7. Alekseev S.S. General Theoretical principles of research on the structure of law. Soviet state and law. 1971. № 3.
 8. Kerimov D.A. Philosophical problems of law. Moscow, 1972.
 9. Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook. Moscow, 2020.
 10. Novgorodtsev P.I. Kant and Hegel in their teachings on law and the state. Saint Petersburg, 2000.
 11. Reshetnikov F.M. Criminal law of bourgeois countries: «classical school» and anthropological and sociological direction. Moscow, 1965.
 12. Shershenevich G.F. General theory of law. The theoretical part. Philosophy of law. Moscow, 1910.